

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР

*Е.С. Лебедева, Т.В. Николаева, 3 курс, гуманитарный факультет
Научный руководитель – Т.В. Петухова, к.и.н., доцент
Ульяновский государственный технический университет*

В этническом плане российской культуре присуща, с одной стороны, значимая степень сходства в языковом и этническом планах, а с другой – заметная степень внутренней разделенности на субэтнотсы (популяция Поморья, российской Севера, Поволжья, Сибири, Приморья и т.д.).

Современное Поволжье – продукт взаимодействия различных этносов и культур, в связи с чем определяющими чертами региона являются: полиэтничность, поликонфессиональность, способность к диалогу культур, веротерпимость, толерантность и т. д. Но в последние годы в связи с обострением ксенофобии, появлению межнациональных и религиозных конфликтов на территории России, актуализируется задача формирования мировоззренческой и нравственной культуры, позитивного отношения к межэтническому взаимодействию, осмысления и принятия национальных ценностей, воспитания этнической толерантности.

В Урало-Поволжском регионе компактно и на своей исторической родине и в соответствующих республиках живут башкиры (Республика Башкортостан), чуваша (Республика Чувашия), татары (Республика Татарстан). [Жуковская, Мокшин, 1998, с. 32]

Рассмотрим подробнее проблему социокультурных отношений между русскими и татарами Поволжья. Существует мнение, что татары относятся к представителям православной веры не толерантно. Но действительно ли это так?

В «Повести временных лет» под 985 годом упоминается об одном из сражений между булгарами и киевлянами, победу в котором одержали последние. Но Владимир заключил мир с болгарами: *«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть»*, то есть на вечные времена. Причина была в том, что князь Владимир по достоинству оценил высокую культуру булгар и решил, что их не заставишь смиренно нести ярмо рабов, с такими людьми лучше иметь партнерские отношения, чем мечом вымогать дань.

Охлаждение между булгарами и Киевской Русью стало наблюдаться после 988 года, когда, руководствуясь политической выгодой и соображениями престижности, князь Владимир единую монотеистическую веру принял не от Булгарии, а от Византии и женился на сестре византийского императора, Анне. Однако дело на этом не кончилось. Киевлянам не хотелось из-за религиозных различий портить отношения с булгарами. Поэтому в 990 году Владимир предпринимает попытку обратить последних в православие. Но лишь немногие приняли его сторону. Это и дало начало существующему конфликту на религиозной почве, в котором татары считаются агрессорами.

Однако многие факты из средневековой истории татарского народа подтверждают отсутствие у его представителей склонности к религиозной нетерпимости к иноверам. Как отмечал известный историк мусульманской культуры, выдающийся деятель, муфтий Ризаэддин Фахретдин: «Татары во время и после завоевания Казани не стремились создавать единый мусульманский фронт

против завоевателей-христиан. В этой связи я должен отметить, что во время штурма Казани в 1552 году в составе многочисленной армии Ивана IV были, как сообщают письменные источники, десятки тысяч воинов татар-мусульман во главе с Шах-Али ханом. Хотя, как известно, походы московских правителей первой половины и середины XVI века против татарских ханств мотивировались, оформлялись как религиозные выступления, т. е. осуществлялись как крестовые походы против «неверных», против «бусурман». [Фахретдин, 1995, с.47]

Как видим, Ризазддин Фахретдин, будучи убежденным мусульманином, не искал противников в лице иноверцев. Такая религиозная толерантность мыслителя не была случайностью. В Казани, например, до ее падения было немало пленных русских, то есть христиан, которые, как свидетельствуют источники, не подвергались насильственной исламизации, а оставались христианами до освобождения, хотя соответствующие рычаги для их исламизации у казанцев до 1552 года были. Правда, переход определенной их части в ислам все же имел место. Это происходило, однако, сугубо мирным путем, добровольно, как результат естественного культурного влияния и ассимиляции (и при желании татары после 1552 года не могли бы располагать возможностями для насильственного распространения среди них ислама). И такой процесс продолжался, как с огорчением отмечали в свое время русские миссионеры, до начала XX столетия. И даже в наши дни этот процесс продолжается (например, принятие женщиной исламской религии при вступлении в брак с мужчиной татарской национальности).

Истоки такой религиозной терпимости среди татар, как показывают многочисленные факты, имеют глубокие исторические корни. И восходят они, прежде всего, к золотоордынскому периоду. Как известно, в Золотой Орде священнослужители различных церквей, в том числе и православия, освобождались от уплаты подати и исполнения всевозможных повинностей. Об этом свидетельствуют ханские ярлыки, выданные в XIII—XIV веках русским митрополитам в Москве.

Таким образом, выдвинутое в начале предположение об агрессивном отношении татар к русским представителям православной религии в Поволжье, оказалось неверным. Современная веротерпимость татарского народа не является ни случайностью, ни результатом его безразличия к проблеме совести. Религиозная толерантность татарского народа имеет, как видим, из вышеизложенных материалов, глубокие исторические корни. Среди истоков ее имеются как светские, так и религиозные начала. Все это, по нашему убеждению, будучи своеобразным историческим опытом, достойно пристального внимания исследователей. Хотелось бы также пожелать, чтобы и политики, и обслуживающие их журналисты были внимательны к этой важнейшей на современном этапе проблеме.

Литература:

1. Жуковская Н.Л., Мокшин Н.Ф. От Карелии до Урала. Рассказы о народах России. — М, 1998. — 97 с.
2. Г.А. Никитина. Финно-угорские и самодийские народы России: Статистический сборник. — Сыктывкар. 2006. — 70 с.
3. Ризазддин Фахретдин. Наследие и современность. — М, 1995. — 139 с.